

ГОРЬКИЙ — Л. М. ЛЕОНОВ

С произведениями Леонида Максимовича *Леонова* (р. 1899) Горький познакомился в 1924 г. В письме к Федину от 6 июля 1924 г. он спрашивал: «Кто такой Леонов, нет ли новых „начинающих“?», а 28 июля того же года сообщал: «Леонова я читал две вещи: „Ковякина“ и „Конец лишнего человека“. „Ковякин“ — это все еще „Уездное“ и „Городок Окуров“, „Конец“ — это очень Достоевский. Написал, чтоб мне прислали его книги» (см. Горький — Федин, письма 7 и 9).

2 ноября 1924 г. Горький послал письмо Леонову, приглашая его сотрудничать в журнале «Беседа». Это письмо положило начало многолетней переписке и дружбе писателей.

Горький горячо интересовался творчеством Леонова. В своих письмах он нередко обращает внимание корреспондентов на книги Леонова и предсказывает ему большую будущность: «Вышли три книги Леонова, получив их, пошлю вам, обратите внимание, это — талант» (Д. А. Лутохину, 10 августа 1924 г., АГ); «Далеко должен пойти Леонов» (Вс. Иванову, 15 октября 1926 г., т. 29, с. 480); «В Леонове чувствуется *большой* русский писатель» (И. А. Груздеву, 13 ноября 1926 г., АГ) и т. д.

Высоко оценил Горький первый роман Леонова «Барсуки». «Сердечно благодарю вас за „Барсуков“, — писал он Леонову 8 сентября 1925 г. — Это очень хорошая книга. Она глубоко волнует <...> Эта книга — надолго. От души поздравляю вас» (т. 29, с. 441 — 442).

Как крупное достижение советской литературы воспринял Горький появившийся в 1930 г. роман Леонова «Соть». В статье «О литературе» он писал: «Леонид Леонов — автор книги „Вор“, построение, „архитектонику“ которой со временем будут серьезно изучать. Л. Леонов написал книгу „Соть“, взяв для нее материалом именно текущую действительность. И — представьте! — получилось именно „подлинное творчество“, замечательная вещь, написанная вкуснейшим, крепким, ясным русским языком, именно — ясным; слова у Леонова светятся. А действительность он знает, как будто сам ее делал. Он, Леонов, очень талантлив, талантлив на всю жизнь и — для больших дел. И он хорошо понимает, что действительность надобно знать именно так, как будто сам ее делал» (т. 25, с. 255). В 1931 г. в предисловии к французскому изданию «Барсуков» Горький охарактеризовал творческий облик Леонова, оспаривая мысль о близости его к Достоевскому (см. в наст. томе, стр. 262—265).

Во второй половине июля 1927 г. Леонов по приглашению Горького побывал в Сорренто. «Великую веру в себя дала мне наша встреча, веру и силу», — писал он Горькому в декабре 1927 г. (письмо 6). И много лет спустя, вспоминая об этой встрече с глубокой признательностью, говорил: «Когда я приехал в 1927 г. к Горькому в Сорренто, он меня сразу привял, проявил ко мне просто нежность. Я возвратился в Москву буквально влюбленным в него» (В. А. К о в а л е в. Горький и Леонов (20-е годы). — В кн. «Вопросы советской литературы». М. — Л., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 226).

Второй раз Леонов приезжал в Сорренто в апреле — мае 1931 г. «Сейчас у меня живет Леонид Леонов, — писал Горький Р. Роллану 3 мая 1931 г., — один из крупных наших литераторов, он просит передать вам искренний его привет. Его книги продаются в Париже. Вы получите их и, надеюсь, поделитесь со мною вашими впечатлениями от его романа „Вор“ и повести „Соть“» (АГ).

В личной библиотеке Горького находятся книги Леонова с дарственными надписями автора и пометами Горького «Деревянная королева» (1923), «Барсуки» (Л., Госиздат, 1925), «Рассказы» (М. — Л., Госиздат, 1926), «Повести и рассказы» (М. — Л.,

«ЗиФ», 1930), «Соть» (М.—Л., «ЗиФ», 1930), «Саранчуки» (М.—Л., Госиздат, 1931), «Скутаревский» (М., «Советская литература», 1934), «Вор» (изд. 3-е, «Федерация», 1933; изд. 5-е, М., Госиздат, 1936), а также издание романа «Барсуки» на французском языке (Paris, 1931).

Леонов неоднократно писал об огромной роли Горького в становлении и развитии советской литературы, в воспитании молодых писателей.

«Редкий из нас не имеет писем от него, полученных именно тогда, когда это более всего было нужно. Это дружеское участие и поддержка старого мастера, которому мы верим безусловно, не раз давала нам силу для дальнейшей работы; большая доля в успехах пореволюционной литературы принадлежит ему, Алексею Максимовичу» («Известия», 1932, № 266, от 25 сентября).

О встречах с Горьким, его роли в своей жизни и творчестве Леонов рассказал в ряде статей, очерков и воспоминаний: «Советские писатели о Горьком». — «Журналист», 1928, № 3; «Человек большой жизни». — «Известия», 1936, № 143, от 21 июня и др.

Переписка Горького с Леоновым охватывает период с 1924 г. по 1935 г.

Восемь писем Горького Леонову — от 12 декабря 1924 г., 8 сентября 1925 г., 31 декабря 1927 г., 21 января 1928 г., 13 октября 1930 г., 11 декабря 1930 г., 18 марта 1931 г., 4 октября 1935 г. — опубликованы в т. 29 (№№ 788, 801) и т. 30 (№№ 889, 896, 1001, 1007, 1021, 1169).

Ниже публикуются четыре письма Горького Леонову, одно письмо, адресованное Леонову и В. П. Катаеву, и пять писем Леонова Горькому. Письма 1, 3, 9, 10 Горького публикуются по подлинникам, хранящимся у адресата.

В приложении публикуется предисловие Горького к французскому изданию романа Леонова «Барсуки».

1

ГОРЬКИЙ — ЛЕОНОВУ

(Сорренто. 2 ноября 1924 г.)

Л. Леонову

Уважаемый гр. Леонов, — не знаю отчества вашего, прошу извинить мне это обращение.

Разрешите предложить вам сотрудничество в журнале «Беседа»¹, который ныне допущен в Россию. Вы, вероятно, знаете, что это журнал аполитический, таковым он и останется до поры, пока в нем работают проф. Ф. А. Браун², В. Ф. Ходасевич и я.

Прочитал я четыре опубликованные вами книжки³ и сердечно приветствую вас, искреннейше желаю свободного роста вашему таланту.

Очень хотелось бы видеть вас в «Беседе». Не известен ли вам адрес Пантелеймона Романова? Сообщите, если это не затруднит вас. А буде он в Москве и вы с ним встречаетесь, — попросите его послать мне «Русь»⁴.

Желаю вам всего доброго.

А. Пешков

Р. S. Письма прошу посылать заказными.

А. П.

2.XI.24. Sorrento.

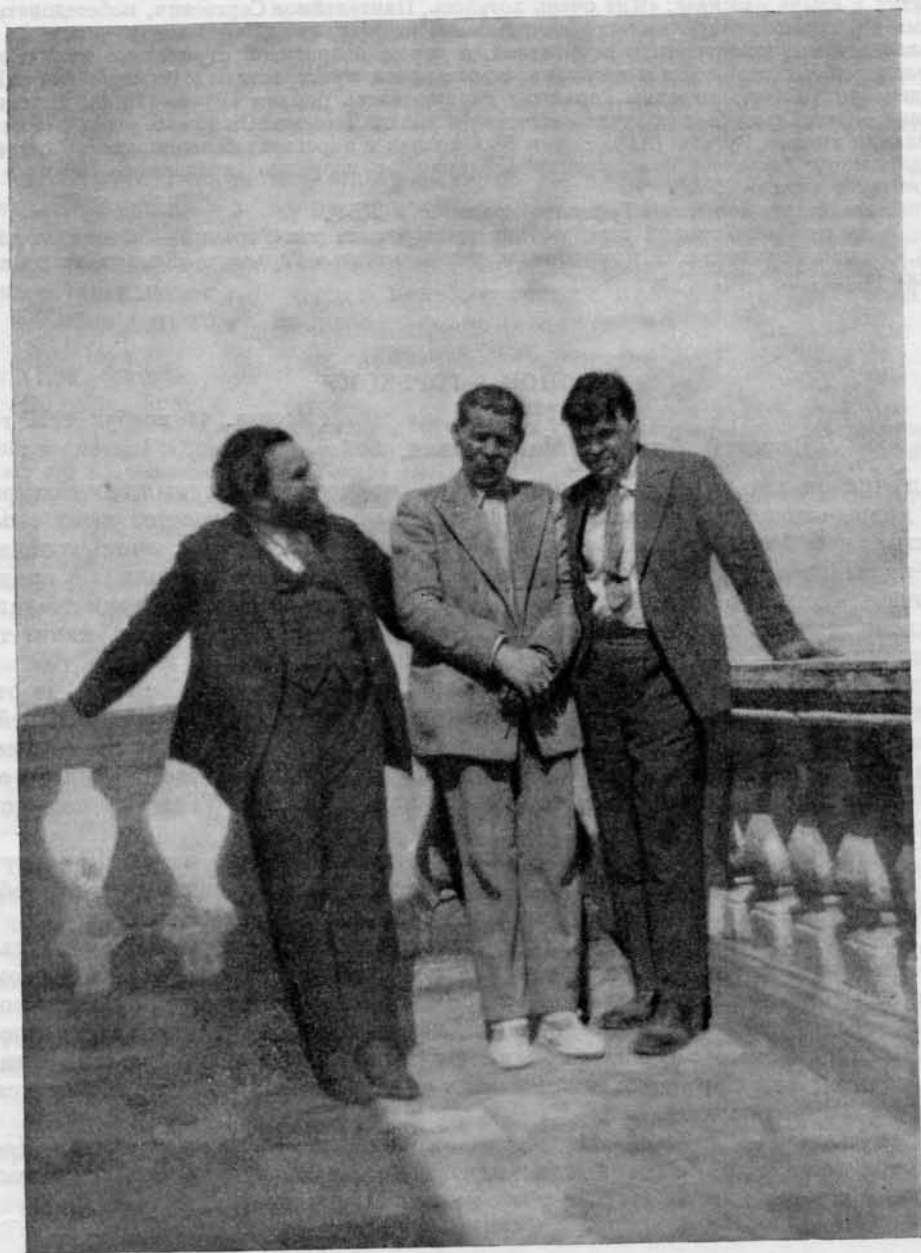
M. Gorki.

¹ См. Горький — Ласковая, письмо 2, прим. 2. Леонов участия в журнале не принимал.

² Федор Александрович Браун (1862—1942) — литературовед-германист, с 1905 г. по 1920 г. профессор Петербургского университета. Ф. А. Браун был одним из редакторов журнала «Беседа».

³ «Петушихинский пролом» (1923), «Деревянная королева» (1923), «Туатамур» (1924) и «Конец мелкого человека» (1924). Все книги вышли в издательстве М. и С. Сабашниковых.

⁴ Пантелеймон Сергеевич Романов (1884—1938) — писатель. В 1911 г. Романов послал Горькому свой рассказ «Отец Федор» (напечатан в июльском номере «Русской

ГОРЬКИЙ, Л. М. ЛЕОНОВ и А. Б. ХАЛАТОВ
Фотография М. А. Пешкова, Сорренто, 1931 г.
Музей Горького, Москва

мысли» за 1911 г.). В ответном письме Горький указывал Романову на серьезные недостатки в языке рассказа: «Мне очень хотелось, Пантелеймон Сергеевич, побеседовать с вами о рассказе вашем: весьма значительный содержанием, во многом — новый, он показался мне испорченным неуместной, а порою некрасивой игривостью языка, тяжелыми оборотами фразы и несколько семинарским пристрастием к физиологии» (АГ). 2 декабря 1924 г., посылая Горькому первую часть романа «Русь» (1923), Романов писал: «Очень рад был получить весточку о вас от Леонова. Он мне передал о вашем желании иметь „Русь“» (АГ). Роман был послан с дарственной надписью: «Глубокоуважаемому Алексею Максимовичу Пешкову от искренно преданного автора. Москва. 1 января 25 г.»

Экземпляр с пометами Горького хранится в ЛБГ.

И на этот раз Горький резко осудил язык романа (см. Горький — Федин, письмо 15). Отзывы Горького о П. Романове см. также в статье Горького «Письма из редакции» (т. 25, с. 148).

2

ЛЕОНОВ — ГОРЬКОМУ

〈Москва. 11 ноября 1924 г.〉

Дорогой Алексей Максимович,

получил письмо ваше и немедленно сажусь отвечать. Во-первых, благодарю за добрые пожелания ваши: грешен человек, люблю хорошие вещи слышать, а тем более от вас. Ведь мы вас, Алексей Максимыч, очень любим, по-настоящему, а об «Воспоминаниях и заметках из дневника»¹ очень и очень часто говорим. Вы простите уж, что это вот я так сразу и сказал: ужасно трудно говорить об этом, и слова выходят всегда какие-то неловкие.

Спасибо вам за предложение участвовать в «Беседе». Конечно, не отказываюсь, но все дело в том, что покуда нет у меня свободных вещей. Самую последнюю вещь свою выдал в «Красную новь» (роман «Барсуки», где она и пойдет в несколько «обрезанном» виде. Тотчас же по выходе ее в Ленгизе непременно и немедленно пошлю ее к вам! (Там я надеюсь пропустить ее целиком.)²

Пантелеймону Романову звонил по телефону ровно через 10 минут по получении вашего письма. Он будет писать вам, в письме же и сообщит свой адрес. «Русь» собирается послать незамедлительно.

А. К. Воронский³, которому я сообщил о вашем письме (случилось, что он мне позвонил сегодня вечером), приказал кланяться вам низко-низко. Также наказано им (к чему все мы, молодые, присоединяемся хором) передать искреннее и большое желание поскорее увидеть вас в России, в Москве. Это все так, конечно, но только вряд ли московский климат заменит вам Сорренто: вчера выпал снег, дни стали очень острые, вся Москва хрипит и кашляет.

Зовут меня — Леонид Максимович, а живу я — Москва, проезд Девичьего поля, д. № 8а (угол Плющихи). Еще раз благодарю вас за письмо ваше, а самому вам от всего сердца желаю много-много здоровья.

Весь ваш

Леонид Леонов

11 ноября 1924.

Москва.

Очень охотно буду отвечать на письма ваши.

¹ М. Горький. Заметки из дневника. Воспоминания. Берлин, «Книга», 1924 (см. т. 15).

² Роман Леонова «Барсуки» печатался в «Красной нови», 1924, №№ 6—8. Отдельное издание романа (Л., Госиздат, 1925) Леонов послал Горькому с надписью: «Алексею Максимовичу Пешкову в знак горячей признательности моей за внимание и ласку. Леонид Леонов. 11 августа 1925. Москва» (ЛБГ).

³ См. Горький — Гладков, письмо 7, прим. 7.

3

ГОРЬКИЙ — ЛЕОНОВУ

<Сорренто. 12 ноября 1926 г.>

Получил вашу книгу ¹, Леонид Максимович, благодарю вас за внимание.

Прочитал незнакомые мне рассказы: «Уход Хама», «Халиль», «Гибель Егорушки» и очень рад еще раз сказать: талантливый вы художник, берегите себя и не верьте никому, кроме себя, а особенно не верьте людям, которые пишут предисловия. Хотя я должен сознаться, что тоже пишу таковые, но я больше в целях поучения иностранных читателей ².

Желаю вам всего доброго.

А. Пешков

12.XI.26. Sorrento.

¹ «Рассказы». М.— Л., Госиздат, 1926. Книга была послана Горькому с дарственной надписью: «Дорогому Алексею Максимовичу Пешкову от искренно любящего автора. 27 окт. 1926. Москва» (ЛБГ).

Кроме упомянутых в письме рассказов, в сборник входили: «Бурьга», «Туатамур», «Петушихинский пролом».

² В 1925—1926 гг. Горьким были написаны предисловия к переводам на английский язык сочинений А. С. Пушкина, повести Н. С. Лескова «Очарованный странник», роману Л. Андреева «Сашка Жигулев», к первой части романа С. Н. Сергеева-Ценского «Преображение», роману О. Форш «Одеты камнем» и др.

4

ГОРЬКИЙ — ЛЕОНОВУ и КАТАЕВУ

<Сорренто. 15 июля 1927 г.>

Л. Леонову, Вал. Катаеву

Писано было мне из противного городишки немецкого — Берлина, что имеее вы великодушное намерение заглянуть ко мне, старику, и был я этим весьма обрадован, но — усумнился.

Теперь же, получив письмоцо ваше ¹, того более обрадовался и — нетерпеливо жду вас с женами и детьми.

Поселитесь же вы через дорогу от меня в месте тихом и красивом, в гостинице «Минерва» — Capo di Sorrento, — от Сорренто 15 минут пешего хода.

И — выпьем.

Из Неаполя лучше всего ехать на барке — это дешевле и скорее, ибо пароход заходит в соседние города и быстротою не отличается.

Устройтесь дешево и удобно.

Очень рад.

День приезда — телеграфьте.

А. Пешков

15.VII.27.

Capo di Sorrento.

¹ Письмо Леонова Горькому из Рапалло от 12 июля 1927 г., в котором Леонов писал: «Сидим сейчас в Рапалло, дорогой Алексей Максимович, и собираемся посетить вас. Пишу во множественном числе, ибо кроме меня — моя жена и писатель В. Катаев с женой. Очень хочется познакомиться с вами и поговорить» (АГ).

Леонов и В. П. Катаев посетили Горького в Сорренто во второй половине июля 1927 г. См. Л. Леонов. «Поездка в Сорренто» («30 дней», 1927, № 11), «За все человеческое» («30 дней», 1928, № 4), «Советские писатели о Горьком» («Журналист», 1928, № 3), «О Горьком (Из записной книжки)» («Известия», 1932, № 266, от 25 сентября).

(Москва. 15 сентября 1927 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Тотчас же по приезде из-за границы, обалдев от оной, отправился я в Переславль-Залесский отдыхать, да так и не собрался там написать вам, чтоб как следует поблагодарить вас за ваше радушие и гостеприимство. От души спасибо за все то хорошее, что мы с женой получили у вас в Сорренто. Если бы я умел писать письма как следует, то непременно надо бы описать все по порядку. Не умею. Попросту сознаюсь, что Переславль очень пригодился мне. Многое отстоялось и стало понятнее. Мы, конечно, лучше заграницы, но это не означает, что шапками ее закидаешь. Работать надо и выдумать хороший арагац (помните, снадобье такое было в прежние годы) на дураков и пошляков. Настроение, вообще говоря, установилось превосходное у меня. Может быть, — оттого, что сел работать. Думаю еще раз опечалить человечество пьесой ¹.

Замечательный вы человек, Алексей Максимович, — не обижайтесь, что так неприлично в лицо выражаюсь. Я счастлив, что был у вас и говорил с вами. И почему-то все время такое чувство, словно совершил какую-то нечестность в отношении вас. Это, пожалуй, и хорошо. Должен всякий человек иметь в мире человека, перед которым бы он чувствовал такое.

Это будит в нем хорошее, живое, шевелящееся в горле и сердце. Еще раз извините меня великодушно за словеса, которые я все равно должен был сказать вам, чтоб не лопнуть от них.

Вчера приехал Всеволод из Парижа ². Сейчас звонил к нему по телефону, но оттуда какой-то неистовый свист и плещ: очевидно справляет приезд. Сам он сказал мне очень таким шатким голосом, что, дескать, вывел заключение, что все мы должны крепко любить друг друга. Говорят, что у него чрезвычайно заграничный вид. Я его еще не видел, но, должно быть, это забавное зрелище.

Холодает у нас, хотя лист еще держится. Совершенно невообразим сейчас российский пейзаж. Березовую рощу на бугре, осеннюю, пеструю, представляете? А какие горизонты в Переславльском округе! Великое дело горизонт, — у нас он тянет на великие дела, право, а у вас там теснота душе и плюнуть некуда. Мудрости у нас больше, чинности, сановитости, без которых — как существовать на свете? Настроение, говорю, у меня самое торжественное, несмотря ни на что, несмотря на то, что 22-го состоится в театре премьера «Барсуков» ³. Жена волнуется (или делает только вид?), а мне нипочем.

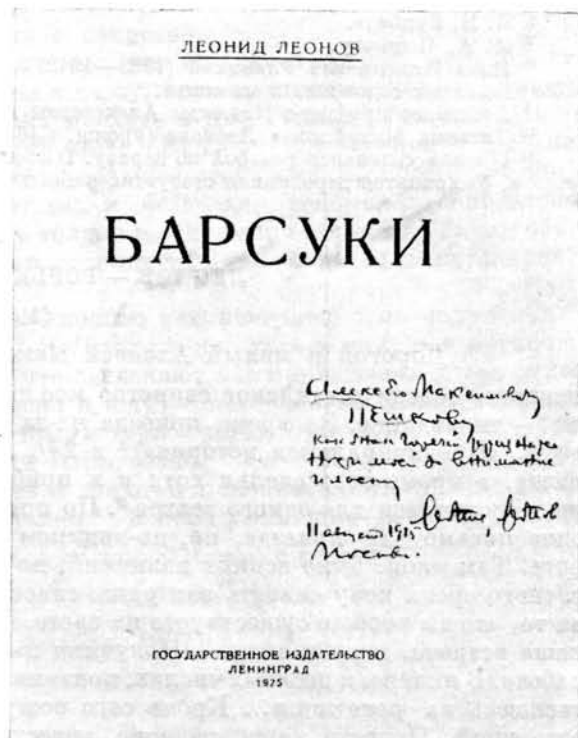
Доехали мы вполне благополучно, если не считать варшавских приключений. Должно быть, я перепугал полицию (Катаев уехал из Вены днем раньше), и за нами неустанно и нагло ходили шпики, а мне было даже как-то лестно: впервые. В гостинице ночевали ужасной, — неловко было с женой входить в такое мерзопакостное место. Иных в Варшаве, кажется, и нет. Очень смешно получилось: всю ночь в подъезде этих мебелирашек сидел из-за нас полицейский. Вечером я вышел с женой и решил вести себя нагло. «Какой тут у вас, братец, самолучший ресторан?» спрашиваю по-русски. «„Бахус“, налево за углом, пан...» — тоже чисто и по-русски отвечал страж и весь вытянулся. В передаче это не так смешно выходит.

Сегодня сходил в баню, выпарился, — удивительное дело баня. Когда приедете — устроим коллективный поход в Сандуны, то-то будет происшествие. Горький мылся-с! — мне банщик рассказывал. Верно это? Мылись вы в Сандуновских банях? Кстати: очень занятное присловье дове-

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ
Л. М. ЛЕОНОВА ГОРЬКОМУ НА
РОМАНЕ «БАРСУКИ» (Л., 1925):

«Алексею Максимовичу Пешкову
как знак горячей признательности
моей за внимание и ласку. Леонид
Леонов. 11 августа 1925, Москва»

Личная библиотека Горького

лось слышать мне в Переславле. «Делов у меня, как у Максима Горького!» (Это значит, что очень много дел!)

К вам, кажется, собирается заехать из Парижа В. П. Полонский ⁴. Воронский очень похудел и осунулся.

Красные ворота ⁵ снесли, — гладко, как колено.

Вот и все наши новости.

Мой сердечный привет Марии Игнатьевне ⁶. Ежечасно памятуем о ней, я и жена. Вообще, я очень и очень рад, что побывал у вас, теперь понимаю, почему Сорренто у московских литераторов звучит, как Мекка, право! Максиму ⁷ — нижайшее, Ивану Николаевичу ⁸ — дражайшее. Тимоше ⁹ — пожелания здоровья...

Жена моя ¹⁰, влюбленная в вас всех, шлет свои всяческие хорошие слова.

А писем-то я все-таки писать не умею.

Обнимаю вас.

Всегда ваш
Леонид Леонов

15 сентября 1927.
Москва.

Обещанная вам деревяшка ждет вас ¹¹.

¹ Речь идет о пьесе «Провинциальная история». На сцене поставлена не была. Впервые напечатана в кн.: Л. Л е о н о в. Пьесы. М., Гослитиздат, 1935. См. письмо 6.

² Всеволод Вячеславович Иванов.

³ Премьера «Барсуков» состоялась в театре им. Евг. Вахтангова 22 сентября 1927 г.

⁴ В. П. Полонский в Сорренто не приезжал.

⁵ Красные ворота — триумфальная арка в Москве, построенная в 1753—1755 гг. по проекту архитектора Д. В. Ухтомского.

⁶ М. И. Будберг.⁷ М. А. Пешкову.⁸ Иван Николаевич *Ракицкий* (1883—1942) — художник, друг Горького. С начала двадцатых годов жил в его семье.⁹ Домашнее прозвище Надежды Алексеевны Пешковой — жены М. А. Пешкова.¹⁰ Татьяна Михайловна Леонова (урожд. Сабашникова).¹¹ Леонов увлекался резьбой по дереву. В московской квартире Горького (ул. Калачова, 6) хранится деревянная статуэтка работы Леонова.

6

ЛЕОНОВ — ГОРЬКОМУ

<Москва. Декабрь, до 25-го, 1927 г.>

Дорогой и милый Алексей Максимович,

великое, совсем российское свинство мое имеет хоть и маленькое, но все же — оправдание. За время приезда из-за границы я успел сделать повесть («Провинциальная история») ¹ в 2 ³/₄ листа и три рассказа ² на 1 ³/₄ листа, а кроме того сделал хотя и в приблизительном черновике пьесу на тему повести для одного театра ³. По правде сказать, я уже послал вам одно письмо ⁴ по приезде, но, по-видимому, оно застряло где-то по дороге. Там много было всяких излияний, но и теперь по миновании достаточного срока хочу сказать вам одно: спасибо вам, Алексей Максимович, за то, что вы вообще существуете на свете. Великую веру в себя дала мне наша встреча, веру и силу. — Получили вы мое первое письмо? Живем в работе. В январе, в десятых числах, показывают мхатовцы «Унтиловск» ⁵, — таскаюсь на репетиции... Кроме сего вожусь с фотографией, пишу, — *ergo sum**. Новости наши, наверно, известны вам: Всеволод Иванов назначен членом редакционной коллегии «Красной нови» ⁶. Пильняк пребывает в хандрах и кризисах, Бабель в Париже. Катаев написал водевиль «Квадратура круга», принятый на малую сцену МХАТа ⁷. Асеев гостит у вас? ⁸ Ну и надоели же вам, вероятно, всякие черти драповые из Москвы? Нет, по правде, а? Я слышал, что вы были серьезно больны? Искренне надеюсь, что это так, мимоходом, а вообще все благополучно? И даже тогда, в такую минуту, я не сумел написать вам. Каюсь в хамстве моем: я не поздравил вас с юбилеем ⁹ вашим, когда вся Россия приветствовала вас. Мое запоздалое, но сердечнейшее пожелание здоровья и всего прочего, что зависит в конечном счете от здоровья же, примите безгневно, хотя бы и теперь, так поздно. В те сроки без отрыву сидел за столом, по-азиатски, по 12 часов в день — работал. Я свиреп в такие сроки и жесток к ближним: кроме листа бумаги перед собой, я не вижу ничего. Я заболеваю темой и, пока не отшелушусь от нее, не имею воли побороть себя и угрызения совести моей. Может быть, в наше время это и правильно. Я все больше (хотя и тоже с запозданием!) прихожу к мысли, что теперь время работы с большой буквы. Работать надо, делать вещи, пирамиды, мосты и все прочее, что может поглотить у человечества скопившуюся силу. России пора перестать страдать и ныть, а нужно жить, дышать и работать много и метко. И это не спроста, что история выставила на арену людей грубых, трезвых, сильных, разбивших вдреизг вековую нашу дребедень (я говорю об мятущейся от века русской душе) и вколотивших в нее толстую сваю под неизвестное покуда, но, по-видимому, основательное здание, судя по свае. В повести, написанной мною, не совсем развито это положение, но в пьесе непременно разовью. Мучительно, страшно, но как необходимо нам такое вот исцеление от «мечты напрасной» (помните, в «Унтиловске» расстрига горюет об ней) и прозрение для того, чтоб увидеть мир реальный, жестокий, земной, как он есть на деле...

* следовательно, существую (лат.) — *Ред.*

Перевернул страницу, и стало неловко — как будто вся эта рацея приведена для самооправдания в свинстве.

Морозы стоят двадцатиградусные, вся Москва в гриппу, перхает, чихает и вообще простужена. Сам я сижу, вернее, отсиживаюсь, в температурке и поэтому не мог сегодня поехать в Дом Герцена, где сейчас идет торжественное заседание в вашу честь. Екатерина Павловна ¹⁰ просила меня в президиум, и я был очень польщен этой честью, но вот... Сидя в одиночестве, за столом, в грустях и безделье, вспоминал соррентское наше житие, милое и теплое не только в отношении климата. Таким образом и написалось это письмо, отрицательный образец эпистолярного искусства.

На днях выходит «Вор» ¹¹ — пошлю вам немедленно по получении.

Как ваше здоровье теперь? Не боитесь ли ехать к нам, как предполагали, в августе с. г.? Боюсь, что затаскают вас по банкетам и так далее: соскучились по вас здесь сильно и ждут с нетерпением. Ежедневно кто-нибудь спрашивает меня об этом, и я уже устаю отвечать.

Мой низкий поклон Марии Игнатьевне.

Привет Максиму со чадами и дорогой половиной его, привет Ивану Николаевичу, герцогам Кокачиам ¹² и всем помнящим меня.

Вас крепко обнимаю и целую.

Всегда ваш Леонид Л е о н о в

Число, ей-богу, забыл, декабря 1927.
Москва.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ТЕАТР «ИМЕНИ
ЕВГ. ВАХТАНГОВА

Четверг 22го Пятница 23го
и Среда 28го Сентября

Леонид ЛЕОНОВ:

БАРСУКИ

Воск. и 4-е действо в 3-х картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Павел (тов. Антон)	Б. В. ЩУКИН
Самсон	М. Г. ГЛАДОВ
Егор Брыкин	В. И. МОСКВИН
Настя	Е. Г. АЛЕНСЕНОВА
Дудин	Д. Н. МУРАВЛЕВ
Сендрот	И. С. ДЕРЖАВИН
Анна Брыкина	В. Д. ГОЛОВИНА
Савелий	И. М. ТОЛЧАНОВ
Алексей	З. Н. БАКАНОВА
Петяня Трохотов	Н. Я. МИРЯНОВ
Старцев	А. Д. КОЗЛОВСКИЙ
Половинкин	В. Е. КУЗЯ
Герасим	А. М. ХАЛАРА
Чмелев	В. В. БАЛЖИН
Мишка Жибзид	А. И. ГОРЮНОВ
Юда	Б. М. ШУХВИН
Марфушка	А. Ф. МИХАЙЛЕР
Супонев	И. М. РАПОПОРТ
Чугунок	Н. П. ЯНОВСКИЙ
Мать Брыкина	Т. М. ШУХВИНА
Муруков	Е. А. СЕМЕНОВ
Петяня Ал	В. Г. КОЛЬЦОВ
Пыляев	Д. Н. МУРАВЛЕВ
Пред. УИК	Д. И. ШАЖМАТОВ
Бродяга	А. М. НАЛЬ
Повыластанцин	Ю. С. ДЕРЖАВИН

Ответственный режиссер Б. Е. ЗАХАВА

Художник О. Н. БАСОВ, Б. А. ЩУКИН

Сценарий С. П. ИСАКОВ Музыкально-театр. И. СИЗОВА

Художник Г. О. ПИДЖИКСТ

Начало в 8 часов вечера

Билеты проданы полностью в кассе театра (Иркут. 76, пом. 3-10-33) и в кассе цирка

После каждого действия след. в 15 минутных пер. на 15 минут

АФИША ПРЕМЬЕРЫ ПЬЕСЫ
Л. М. ЛЕОНОВА «БАРСУКИ» НА
СЦЕНЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕАТРА ИМ. ЕВГ. ВАХТАНГОВА
в МОСКВЕ

22, 23 и 28 сентября 1927 г.
Музей театра им. Евг. Вахтангова
Москва

Не имея вестей, получили ли вы первое мое письмо, сообщая поговорку, слышанную мною в Переславле-Залесском, в каком-то отдыхал от заграницы!

— Э, брат... да у него делов, как у Максима Горького.

Л.

Жена шлет сердечный привет всем.

Датируется по ответному письму Горького от 31 декабря 1927 г. (т. 30, № 889).

¹ Напечатана в «Новом мире», 1928, № 1.

² Речь идет о рассказах «Темная вода», «Возвращение Копылова», «Приключение с Ивановым», напечатанных под общим заглавием «Необыкновенные истории о мужчинах» («Звезда», 1928, № 1).

³ См. письмо 5, прим. 1.

⁴ См. письмо 5.

⁵ Премьера спектакля состоялась на сцене МХАТ 17 февраля 1928 г. Отрывок из пьесы «Унтиловск» был опубликован в «Красной нови», 1926, № 8, полный текст пьесы — в «Новом мире», 1928, № 3.

⁶ См. Горький — Гладков, письмо 15, прим. 1.

⁷ Премьера состоялась 12 сентября 1928 г. на сцене МХАТ.

⁸ Н. Н. Асеев посетил Горького в Сорренто 5 ноября 1927 г. (см. Н. Асеев. В гостях у Горького. — «Горький. Сборник статей и воспоминаний о М. Горьком» под ред. И. Груздева. М. — Л., Госиздат, 1928, стр. 451).

⁹ В сентябре—октябре 1927 г. советская общественность широко отмечала 35-летие литературной деятельности Горького.

¹⁰ Е. П. Пешкова.

¹¹ Роман Леонова «Вор» печатался в «Красной нови», 1927, №№ 2—7. Отдельное издание — М. — Л., Госиздат, 1928.

¹² Джованни Кокачио. — владелец отеля «Минерва» в Сорренто, в котором останавливался Леонов.

7

ЛЕОНОВ — ГОРЬКОМУ

(Москва. 10 января 1928 г.)

Дорогой Алексей Максимович,

во-первых, простите, что употребляю самопишущий инструмент для общения с вами. Все дело в том, что опротивело мне перо свыше всякой меры и сил нет справиться с этим отвращением моим. И хотя никаких особых новостей сообщить вам не имею, все же удивительно лестно и приятно стучать по бумаге и думать о вас.

Во-первых, посылаю вам еще тепленького «Вора»¹. Во-вторых, премьера «Унтиловска»² должна была состояться 19 январ^я, но Станиславский решил поработать сам, и вот уже я ничего не знаю. Думаю, однако, что публичное пропятие мое состоится не позднее последних чисел января. Вот еще новость: у редактора «Красной нови» Всеволода Иванова родилась дочь. Вот еще: я накупил себе кактусов и сейчас занимаюсь исследованием этих молчаливых субъектов. Кроме того, изошряюсь в фотографии и других ремеслах.

Ужасная вещь, только сегодня узнал. Ацаркин, зав^аду^ющий Мос^ковским^к отд^елением «Пролетария» (издательство такое), сообщил мне сегодня, что он послал вам письмо с просьбой написать предисловие к моему Собранию, которое выходит в этом издательстве³. Я оказался, таким образом, в положении чрезвычайно пиковом. Мне чрезвычайно было бы приятно иметь в своей книге вашу статью, но имейте также в виду, что я совершенно не буду в обиде, если вы не захотите или если состояние здоровья вашего не позволит вам заняться этим скучным делом. Поймите меня как следует, милый Алексей Максимович, и ради бога не считайте эти строки за какой-то маневр: мне это будет очень горько и обидно.

Скучно вам, небось? А мы вот в субботу, втроем, едем в Муромские леса людей глядеть. Но делается это тоже от скуки. Ву компри, как говорит на французском диалекте писатель Катаев. Кстати, писатели медленно образумливаются: перестают пить. (Я-то, собственно, с трех рюмок пьян бываю. У вас мы ведь пили больше каприйское, нектариальное вино, которое человеку не вредит, а только восхищает к небесам. Ведь не пьяница я, не правда ли? Но гадалка одна мне предсказала в свое время, что алкоголик я буду сверхъестественный и этим даже удивлю мир. Смиренно жду исполнения сего печального пророчества...)

Деревяшка ваша ⁴ находится пока у меня, не было случая передать ее Катерине Павловне, не встречались. Изображает она старичка, сделана из можжевела, пожом, в минуту жизни трудную. Эх, с каким бы потрясающим удовольствием принес бы я ее сейчас к вам, выйдя из «Минервы» ⁵.

Сесть бы этак, закурить (своих, своих закурить: доселе меня мучит совесть за наглое наше поведение у вас, крепко мучит, до красного стыда жжет), переглянуться и вольготно поговорить о вещах, касаемых человека на земле. Крепко мы вам мешали, Алексей Максимович, в ту пору. Скажите по правде, а? Придут, сядут, сидят, и выгнать неловко. Я только теперь начинаю понимать, что о самом-то главном мы, собственно говоря, так и не переговорили ⁶.

Хороший вы человек, Алексей Максимович, очень приятный, теплый, живой... а напрасно читаете всякую дребедень ⁷, смысл которой только в том, что она напечатана в замечательной нашей стране, на удивительном нашем языке. Время вы у самого себя крадете. Вещи надо читать (если не вру) через пять лет по выходе их в свет: не состареется, значит — хорошая книга. У нас до этого непогрешимого аршина еще, не додумались.

Адрес мой, чтоб не забыть: Москва, проезд Девичьего Поля, 8а. Вот какой мой адрес. И еще, чтоб не забыть: фотографии, которые я снимал в Сорренто, я увеличил, и очень неплохо вышло. Часть их напечатал я в «30 днях» ⁸, не видали?

Привет мой душевный, буде не забыла про меня, Марье Игнатьевне. Максиму — низайшее. Ивану Николаевичу привет. Мелким чадам — благожелания. Вас обнимаю и целую.

Весь ваш

Леонид Леонов

Жена крепко-крепко приветствует вас.

10 января 1928.

Москва.

¹ Отдельное издание романа «Вор». М.— Л., Госиздат, 1928.

² См. письмо 6, прим. 5.

³ Александр Николаевич Ацаркин (р. 1904) в 1928 г. работал редактором в издательстве «Пролетарий», выпустившем собрание сочинений Леонова в 5 томах (Харьков, 1928—1930). В письме к Леонову от 21 января 1928 г. Горький сообщал, что предисловие написать не сможет за недостатком времени. «Писать о вас нужно немало и очень хорошо, очень подробно. Вы идете прыжками от „Туатамура“ к „Барсукам“, от „Барсуков“ к „Вору“, всё это вещи резко различные и разноязычные, и показать читателю, как именно различны они, чем столь необычно отличаются одна от другой, — на эту работу нужно много дней, нужно всё ваше перечитать и — внимательно» (т. 30, с. 68—69).

⁴ См. письмо 5, прим. 11.

⁵ См. письмо 6, прим. 12.

⁶ В письме к Леонову от 21 января 1928 г. Горький писал: «О чем, о самом главном не переговорили мы», как вы пишете? Мне кажется, что самое главное — почувствовать друг друга, а это, на мой взгляд, было. Слова — особенно излюбленные или при-

вычные — часто являются помехой пониманию людей, особенно если люди не только разных возрастов, но и разных эпох, как вы и я» (т. 30, с. 69).

⁷ Отвечая Леонову, Горький писал 21 января 1928 г.: «Не согласен я с вами в том, что „напрасно читаю всякую дребедень“. Я думаю, что это настоящее мое дело. Оно похоже несколько на работу огородника, — вот материал для неплохого каламбура! Нет, я очень люблю следить, как растет человек» (т. 30, с. 69).

⁸ Очерк Л. Леонова «Поездка в Сорренто», напечатанный в журнале «30 дней», 1927, № 11, иллюстрирован двумя фотографиями: на одной снят Горький, а на другой — Горький вместе с Леоновым.

8

ЛЕОНОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Москва. 21 октября 1930 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович,

всегда как-то робею, правду (заочно) говоря, когда пишу вам. Боюсь употребить какое-то не то слово, которое надо, а слово — формула, и в делах психологической химии спутать формулу — конец, конец всему. Поймите меня правильно. Мне всегда был необходим человек, которого я бы очень любил и которому бы беспредельно верил. Долгое время таким был, между нами говоря, И⟨лье⟩ С⟨еменович⟩ Остроухов¹, человек грубый и великого чутья. (Было дело — он мне однажды запретил печатать одну повесть — «Унтиловск», я почти грызся с ним, — уходил по Трубниковскому переулку вниз и, чего греха таить, плакал от злости, а все-таки не напечатал.) С самого начала деятельности моей, с момента получения первого вашего доброго письма ко мне (о «Барсуках»)², вы стали для меня таким же — и если так случилось, что я вам не надоедал с самым первым показом моих рукоделий, то лишь потому, что до Сорренто далеко и даже по телефону не поговоришь, а пока письмо напишешь — да получишь ответ — начальная температура падает. Счастье ваше, что в Сорренто вы живете, а не в Москве, — выгнали бы вы меня ко всем чертям. Сие не слова, а весьма основательная правда. Как и всякий, кто пишет, бывают у меня весьма нехорошие минуты каких-то внутренних кризисов... (фразочка-то, а? Не умел, не умею писем писать, и за последние шесть лет — это, ей-богу, первое письмо по душам!). Тут мне очень мутно бывает, искренно считаю себя конченным, тогда предаюсь кактусам и в этой обширной пустыне пребываю до восстановления рассудка. Тогда, бывало, приходил к И⟨лье⟩ С⟨еменовичу⟩, садился, наливал рюмку-две (не больше) водки, ему и себе, и этак просиживал вечер с ним, молча. Он очень здорово умел молчать, но обоим слышно было, как внутри, так сказать, работают машины. Сии минуты дают душе некие морщинки — не дай бог, чтоб трещины. Сам себя я язвлю достаточно, есть за что, уязвление вошло в систему, и оттого всякое, самое даже мимоходное слово ваше, слово поддержки, давало мне очень большую нравственную помощь. Очень много раз я собирался написать вам об этом, но потом перечтешь письмо, что-то заподозришь, и письмо напополам. Ведь вы-то об этом знаете, и я, в сущности, напрасно сознаюсь в этом. В наше время не только неприлично, а и действительно излишне расписываться в чувствительностях. Дело надо делать. Но вот, все-таки, за вашу необыкновенную любовную зоркость к молодой русской литературе, за поддержку даже самых слабых ростков ее (ибо хорошего похвалой не испортишь!) великое мое вам, Алексей Максимович, спасибо.

Мы в очень трудное время живем. Перестройка идет такая, каких с самого Иеремии не бывало. (Иеремия тут со смыслом!) Все вокруг трещит, в ушах гуд стоит, и немудрено, что в Вольском уезде, говорят, 65% мужиков страдают сердечными болезнями. Нам уж теперь отступления

ПАВЕЛ и СЕМЕН.
СЦЕНА ИЗ ПЬЕСЫ Л. М. ЛЕО-
НОВА «БАРСУКИ» В ПОСТА-
НОВКЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕАТРА им. ЕВГ. ВАХТАНГОВА
В МОСКВЕ, 1927 г.

Павел — Б. В. Шукин; Семен —
Н. Г. Гладков

Фотография

Музей театра им. Евг. Вахтангова,
Москва

нет... и вот в этом пункте — о литературе. Время опасное, и о многом нельзя, а хотят — чтоб о соцсоревновании, о встречном промфинплане и т. д. Ведь все эти вещи — только маневрирование большого корабля. Не то нужно в нашей литературе. Есть особая (тут я очень неточно, ибо еще не продумал) литературная философия людей, явлений, событий. В некоем величественном ряду стоят — Дант, Атилла, Робеспьер, Наполеон (я о типах!), теперь сюда встал исторически — новый человек, пролетарий ли? не знаю, — новый, это главное. Конечно, истоки в пролетариате. Вот и требуется отыскать формулу его, найти ту философическую подоплеку, благодаря которой он встал так твердо и, разумеется, победит. Все смыслы мира нынешнего, скрещиваясь в каком-то фокусе, обуславливают его победу. Вот о нем надо писать — о том, чего еще нет. Самого честного, самого упорного ударника Путиловского спросите об этом — не ответит он. Ибо, что есть истина? завтрашняя, к тому же! Думаешь об этом и зачастую упираешься в вопросы, еще не решенные жизнью и страной, а ведь до утопии снижаться не хочется. Вот и выходит: жадность — хочется непременно найти этот эликсир, кристалл, алхимический камень, а колбы-то лопаются — и конфуз. Я помню один разговор с вами, в Сорренто (я их не записывал, они сами так записались в памяти, что и азотной кислотой не вытравившь!): «А вы будьте художником!» (я тогда был по какому-то невразумительному поводу). Правильно и даже очень, но быть только художником — это значит писать очень (порой!) неприглядный пейзаж действительности. Сейчас главное — хотеть, желать, делать что-то литературой. Ведь не то же главное, что брюк в продаже нет или что фининспектор нашего брата описывает. Итоги нужно делать, и жаль, что никто не понимает этого из тех, кто это понимать обязан. Еще раз извините за эту вдруг открывшуюся хлябь, но, судьба такая, вы есть сегодня единственный человек у нас, которому можно

признаться во всяких литературных терзаниях, и, конечно, только вы, при наличии вашего огромного литературного опыта и (попросту) крупнейшего человеческого естества, поймете сие нечленораздельное мычание. (Нарочно не перечитываю, ибо непременно разорву, все равно три дня буду устыжать себя за свое поведение в этом письме, но уж очень разволновался — письмо ваше³ только что получил, лежит на столе передо мною.)

Вот тоже и кактусы⁴. Они неспроста. Меня тут занятная штука захватила. Любую траву земную, поглядев на нее в течение хотя бы недели, берусь описать в стихах и прозе, вне зависимости от размера оной травы, живучести, рисунка и т. д., а этой штуки не понимаю. (Я-то как раз собираю не древообразные кактусы, а лишь круглые, продолговатые, так сказать, унитарные сорта.) Ничего не разумею в них, хотя знаю о них все, даже дату появления каждого отдельного вида в Европе. Эта замкнутость, неразрешимая снаружи, крайне меня занимает... Например, расспросите вашего придворного кактусовода И<вана> С<оловья> Р<акицкого> о сорте *Pelescyphora aselli formis pectinata*. Что он вам скажет? Ничего. Даже в дотошной одной книжке садовода из Кью о ней сказано: растет-растет и иногда гибнет «изнутри» без всяких причин, и больше ничего, а? А какие люди занятные, кои у нас делом этим занимаются! Ведь рядовой любитель ниоткуда достать какой-либо сорт не может, а вот в Киеве проживает некий Томаш-Унус (фамилия такая!), у него 250 видов, а живет он рядом с прачечной, и сырая, гнусная, бельевая вонь сочится к нему в комнату, а вид у него дикий. Сальные, длинные волосы, замасленная куртка, взгляд потусторонний, брюки люстриновые, — он дал мне какой-то лохматок *Dissocactus*'а (который мне не нужен), долго всовывал его мне в ладонь и все шептал: «Вы попробуйте только эти, только испытайте... редчайшее существо, поливая-поливая!..». Совсем спятил: кактусы держит в стеклянных ящиках, а сам спит на диване, который вдвое короче его самого. Нет, это занимательно, Алексей Максимович, не токмо в ботаническом смысле. Есть целая каста кактусоводов, только о своем и говорят. Будете в Москве, я расскажу вам о них. — Конечно, это пустыня, куда они уходят от нынешнего дня. Кактус можно понять, только насытив его самим собою до отказа. Вот отчего у иных они цветут ежегодно, у иных бухнут, у иных гниют на корню. (Руки у меня привычные, да они меня и не жалят совсем.) К слову, они жалят лишь, когда делаешь с ними что-либо вредное для них или несвоевременное. Кажется, П. П. Крючков сообщил мне, что Мария Игнатьевна (дай ей бог доброго здоровья!) послала мне 3 экземпляра (очень редких!). Я получил два, третий сперли по дороге, и как я ни выпытывал, кто повинен, так и не узнал. Узнаю, несомненно застрелю.

Нет, все в порядке, милый Алексей Максимович, — и дитё у меня разрастается до неслыханных размеров⁵, тоже чрезвычайно занятно. Переехал я на новую фатеру, ликую и прославляю бытие. На кактусы падает солнце, — нынче последний, по-моему, день бабьей осени. Земля вертится вполне исправно, довертится до мая — ждем вас. Очень хочется увидеть вас и этак, хотя бы молча, посидеть. Каюсь, очень завидую Всеволоду, который собирается ехать в Сорренто⁶. Он, полагаю, в кризисах, а так как он скрытен чрезвычайно, то и воздействовать на него товарищески невозможно. Зато время, что я <был> вместе с ним в Средней Азии⁷, ужасно любопытно, рассказов уйма, — он вам будет неделю рассказывать, не меньше.

Привет мой всем, Марии Игнатьевне, Тимоше, Максиму и глубокоуважаемому коллеге по сумасшествию — И. С<оловью> Р<акицкому>, да цветут его экземпляры, да умножатся, да украшают его пустыню, — ибо не в пустыне они не растут.

22-го собираемся у Крючкова по поводу «Истории гражданской войны»⁸. Он вам сам расскажет подробности этого совещания.

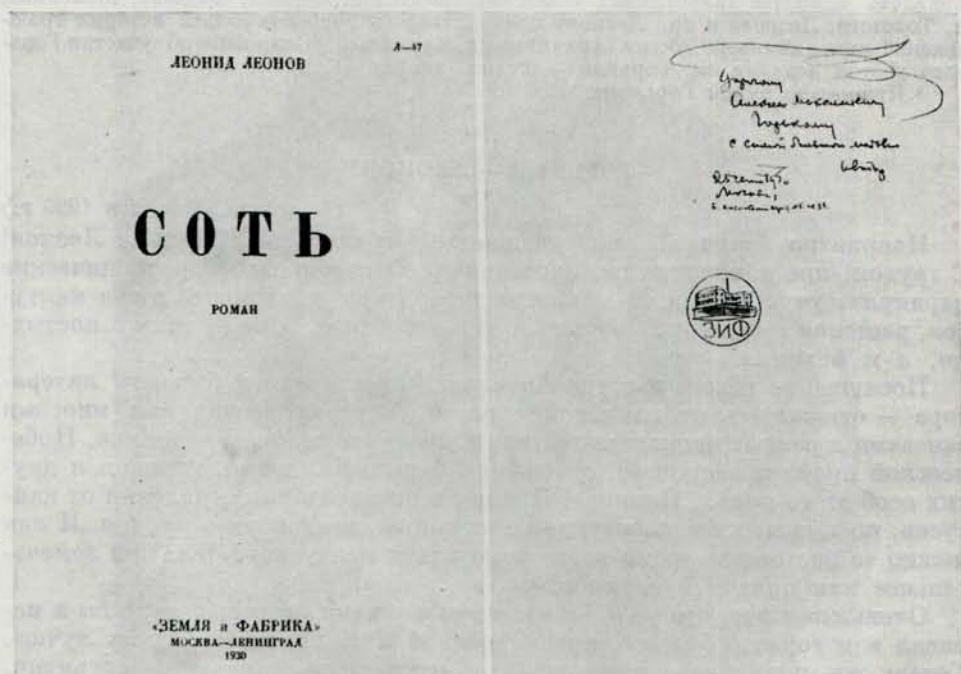
Крепко обнимаю вас, и еще раз простите за эту непреднамеренную размазню.

Леонид Леонов

21 октября 1930.

Москва.

Бол. Кисловский, 5, кв. 28⁹.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ Л. М. ЛЕОНОВА ГОРЬКОМУ НА РОМАНЕ
«СОТЬ» (М.—Л., 1930):

«Дорогому Алексею Максимовичу Горькому с самой большой любовью автор
25 сент. 1930. Москва, Б. Кисловский пер., д. № 5, кв. 28»

Личная библиотека Горького

¹ Илья Семенович *Остроухов* (1858—1929) — художник-пейзажист, коллекционер, один из первых собирателей русских икон. В начале двадцатых годов в его доме в Москве, где бывали художники и писатели, молодой Леонов читал свои первые произведения.

² Письмо Горького от 8 сентября 1925 г. (т. 29, № 801).

³ В письме от 13 октября 1930 г. Горький писал: «...вчера прочитал „Соть“, очень обрадован — превосходная книга! Такой широкий, смелый шаг вперед и — очень далеко вперед от „Вора“, книги, кою тоже весьма высоко ценю.

Анафемски хорош язык, такой „кондово“ русский, яркий, басовитый, особенно — там, где вы разыгрывали тему „стихий“, напоминая таких музыкантов, как Бетховен и Бах, не преувеличиваю, ибо — так воспринял, так гудит в „ушах души“ <...> Имею право думать и утверждать, что „Соть“ — самое удачное вторжение подлинного искусства в подлинную действительность и что, если талантливая молодежь внимательно прочтает эту книгу, она — молодежь — должна будет понять, как надобно пользоваться материалом текущего дня, для того, чтоб созидать из этого материала монумент текущему дню» (т. 30, с. 186).

⁴ В том же письме Горький писал: «Если кактусы отвлекли вас от резьбы из дерева — да будут прокляты и сгниют! Дринь — кактусы. Иван Соловей-Ракицкий развел их в саду кучу, всех сортов, шипы и колючки вонзаются в брюки мои...» (т. 30, с. 187).

⁵ Возможно, роман «Скутаревский», над которым Леонов начал работать в конце 1930 г. (впервые опубликован в «Новом мире», 1932, №№ 5—9).

⁶ Поездка В. В. Иванова в Сорренто состоялась в конце 1932 г.

⁷ По инициативе Госиздата, Наркомпроса Туркменистана и газеты «Известия» была организована первая «ударная бригада» писателей, которая в начале 1930 г. выезжала на два месяца в Туркменистан для ознакомления с колхозным строительством и культурной жизнью республики. В состав бригады входили: Вс. Иванов, П. Павленко, В. Луговской, Л. Леонов и Г. Санников. В результате этой поездки был создан альманах «Туркменистан весной», М.—Л., ГИЗ, 1932.

⁸ К работе по изданию «Истории гражданской войны в СССР» Горький стремился привлечь наиболее талантливых советских писателей: Федина, Фадеева, Шолохова, А. Толстого, Леонова и др. Леонову предполагалось поручить раздел истории гражданской войны на севере России (Архангельск, Мурманск). (Подробнее об участии Горького в этом издании см. Горький — Федин, письмо 41, прим. 1).

⁹ Приписано рукой Горького.

9

ГОРЬКИЙ — ЛЕОНОВУ

(Сорренто. 8 ноября 1930 г.)

Неприятно молодой, но уважаемый сочинитель, Леонид Леонов! С трудом, при помощи лупы, прочитав проклятые ваши микроскопические каракули, учувствовал из них, что литературу вы ставите ниже кактусов, растения культурно бесполезного и небритого. Сие не токмо постыдно, а и безумно.

Послушайте голоса рассудка и совета престарелого бывшего литератора — откажитесь от пагубной страсти, которая грозит вам многими занозами в разные части вашего тела и лишением звания академика, Нобелевской премии, ласкового отношения барышень, девиц, женщин и других особ этого пола. Полноте! Я живу в почтительном отдалении от кактусов, но занозы их извлекаю даже из спины, не говоря о прочем. И как можно «в настоящее время года» увлекаться кактусами? Чем они замечательнее или приятней огурцов?

Очень сожалею, что уже 3-й час ночи и у меня насморк, а то бы я написал вам гораздо больше, красноречивей и во всех отношениях лучше. Теперь же пишу лишь для того, чтоб откликнуться на ваше письмецо. Засим — крепко жму руку.

А. Пешков

8.XI.30.

10

ГОРЬКИЙ — ЛЕОНОВУ

(Конец июня — начало июля 1931 г.)

Дорогой друг

Леонид Максимович!

Посылаю для редактируемого вами уважаемого журнала ¹ стихотворение Поликарпа Ксенократова, поразительное своей красочностью. Стихотворение идеологически не очень выдержано, но это объясняется только тем, что автор его страдает сонной болезнью. В письме ко мне он говорит: «Можно ли спрашивать с меня идеологию, когда мой организм не выдерживает никакой самокритики?» ²

Сердечно приветствую.

Богомолец ваш

Горький М.

Как живете? И — где?

Датируется по письму Горького А. И. Слезавину от 19 июня 1931 г. (АГ).

¹ Имеется в виду журнал «Красная новь». В 1931 г. была создана новая редакция журнала, в состав которой вошли: Л. Леонов, А. Фадеев, Вс. Иванов.

Меня так исказили в
 цинкографии, что уверяю
 Вас, что это совсем не
 я. Это кто-то другой.
 Привет Вам.
 Вам Леонид Леонов
 27 окт 1926
 Москва

Л. М. ЛЕОНОВ

Фотография с дарственной надписью Горькому: «Меня так исказили в цинкографии,
 что чувствую необходимость в самореабилитации, милый Алексей Максимович.
 Привет Вам. Ваш Леонид Леонов. 27 окт. 1926, Москва»

Архив Горького, Москва

² Шутливым именем Поликарпа Ксенократова Горький называет крестьянина, поэта-самоучку Андрея Ивановича Слезавина (р. 1900 г.), из письма которого он приводит выдержку (АГ). Во время гражданской войны, находясь на фронте, Слезавин тяжело заболел. Горький переписывался со Слезавиным в 1931—1935 гг. и оказывал ему разнообразную помощь.

Ряд стихотворений Слезавина был напечатан в газете «Красная Мордовия», в альманахе «Литературная Мордовия» и других периодических изданиях. Возможно, что в «Красную новь» Горький послал стихотворение Слезавина «День» (АГ). Стихотворение в журнале опубликовано не было.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ПРЕДИСЛОВИЕ ГОРЬКОГО К ФРАНЦУЗСКОМУ ИЗДАНИЮ РОМАНА ЛЕОНОВА «БАРСУКИ» ¹

Я не критик и не склонен объяснять художника; я хорошо помню, что, когда критика «объясняла» меня, — она приписывала мне намерения, которых я не имел, и деяния, которых не совершал. Все сказанное ниже сказано старым литератором о молодом товарище по работе, но — о человеке другого поколения. Это не похвала, не порицание, а только попытка рассказать о том, как я вижу Леонида Леонова.

Он — один из наиболее крупных представителей той группы современных советских литераторов, которые продолжают дело классической русской литературы — дело Пушкина, Грибоедова, Гоголя, Тургенева, Достоевского и Льва Толстого. О силе его таланта — рано говорить, эта сила — как и всякая другая — развивается упражнением. Никто не мог предчувствовать, что Достоевский, автор жалобной и, в сущности, жалкой повести «Бедные люди», окажется способным написать ядовитые «Записки из подполья» и создать роман «Братья Карамазовы»; «Детство» Льва Толстого не давало возможности предположить, что он создаст «Войну и мир».

Однако мне кажется, что талант Леонида Леонова растет необыкновенно быстро и что от «Барсуков» до «Вора», от «Вора» до повести «Соть» он сделал шаги, настолько крупные, что я лично не вижу в старой русской литературе случая столь быстрого и неоспоримого роста. Факт роста подтверждается сложностью тем, которые он разрабатывает смело и уверенно, и все большей звучностью его языка, своеобразием стиля. Над культурой стиля он работает все более успешно, и каждый новый рассказ его, каждая книга звучат все более убедительно. Если «Вор» иногда кое-где и кажется перегруженным словами, — «Соть» написана симфонически-стройно.

Слово, одежда лжи и правды, характеризует человека так же, как дело, и Леонов умеет наградить каждого из своих героев прекрасно подчеркнутой индивидуальной речью. Это удастся далеко не каждому даже талантливому писателю. Из неисчерпаемого богатства нашего языка Леонов искусно умеет отобрать именно те слова, изобразительность и звучность которых особенно магически убедительна, и в книгах его почти нет лишних слов. Мастер своего дела, он, почти никогда не рассказывая, всегда изображает, пользуясь словом, как живописец краской. В его стиле нет излюбленной многими истерической торопливости Достоевского, который часто заставляет читателя воспринимать диалоги героев, как сплошной вопль раненых. Все более часто встречаешь в рисунке Леонова крепкие штрихи Льва Толстого, те штрихи, которыми Толстой достигал поразительной пластичности изображения, что давалось ему с таким великим трудом. Если о Толстом возможно сказать, что он «ковал свои книги из железа», а Тургенев отливал свои из меди и серебра, то — Леонов работает очень сложным сплавом металлов. В его описаниях пейзажа нередко звучит «лирика стихий» Тютчева, а в очерках фигур людей

чувствуется резкая и острая точность прозы Лермонтова. Вообще Леонов — пчела, которая собирает свой мед с цветов, наиболее богатых медом.

Я вполне сознательно измеряю Леонова столь высокой мерой, сознательно смотрю на него из ряда крупнейших людей нашей старой литературы: Леонид Леонов сам внушает предъявлять к нему высокие требования.

* * *

В одной из анкет Леонов указал, что на его творчество влияет Достоевский². Действительно, под бытовыми драмами героев Леонова нередко

Максиму Горькому —
с благодарностью и нежностью
свою первую книгу на французском языке
посылает автор
24 декабря 1931
Леонов

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ Л. М. ЛЕОНОВА ГОРЬКОМУ НА ФРАНЦУЗСКОМ ИЗДАНИИ РОМАНА «БАРСУКИ», ПАРИЖ, 1931 (С ПРЕДИСЛОВИЕМ ГОРЬКОГО)

«Максиму Горькому — с благодарностью и нежностью свою первую книгу на французском языке почитательно посылает автор. 24 декабря 1931, Москва»

Личная библиотека Горького

чувствуется «стихийный бунт инстинкта», анархизированного вековым насилием капиталистического строя, — инстинкта «ячности» и «самости», который не могли нормировать хитрые усилия даже такой мощной организации угнетения, каковой является церковь.

Мне кажется это признание Леонова непродуманным и ошибочным. Я полагаю, что оно объясняется не сродством коренных свойств «натуры» Леонова с натурой человека, у которого страх перед жизнью и болезненный гнев на людей объяснялся эпилепсией — его несчастием, — я полагаю, что это признание Леонова вызвано поспешностью, с которой он хочет найти «точку опоры» для своего творчества.

Достоевский и личностью и творчеством своим гениально показал миру, до какой чудовищной степени личность может быть изуродована

условиями ее бытования в капиталистическом обществе. «Фурьерист», он пострадал за это и всею силой чувственности своей возненавидел причину своих страданий. Это было ошибочное направление ненависти; из этой ошибки возникла другая, еще более поучительная для нас.

Достоевский стал поэтом стихийного бунта ради бунта личности, поэтом бунта ради бунта. Основное произведение свое, в котором сжаты идеи всех его гениальных книг, «Записки из подполья», он посвятил защите полного, безграничного произвола личности. Его Раскольниковы, Ставрогины и прочие Карамазовы — разнообразные воплощения основного типа «человека из подполья», — человека, которому нечего, некого любить, которому весь мир враждебен, который «до страсти любит хаос и разрушение», хочет жить по законам только «своей глупой воли», обладает неискоренимым тяготением к моральному и физическому истязанию ближних, сознательно ради удовлетворения болезненной страсти к бунту ради бунта идет против «всех человеческих выгод, основанных на формулах научно-экономических», против «благоденствия, свободы, ну и так далее, и так далее».

Аристотель в «Политике» сказал, что «человек вне общества — или бог или зверь». Достоевский в фигуре «человека из подполья» создал болезненное и злое животное. Он не мог создать этот тип из наблюдений юности своей над Белинским, Некрасовым и другими литераторами той поры, не мог создать «человека из подполья», наблюдая своих друзей по кружку Буташевича-Петрашевского. Он создал «человека из подполья», наблюдая на каторге обитателей «Мертвого дома». Вот почему у него почти все племя Карамазовых заражено стремлением к истязанию, насилию, к убийству...

Впоследствии Достоевскому пришлось резко выступить против «человека из подполья» на защиту бога, церкви и самодержавного строя, что он и сделал в «Дневнике писателя», пришлось противопоставить «стихийному анархизму» «больного, злого, непривлекательного человека» укрощенных церковностью «идиотов» и бездарных монастырских послушников.

Не считаю себя вправе думать, что Леонид Леонов способен совершить тот же круг противоречий, который совершил Достоевский, круг, начатый в 64 г. проповедью полного произвола личности и заверченный в 81 г. проповедью смирения и терпения.

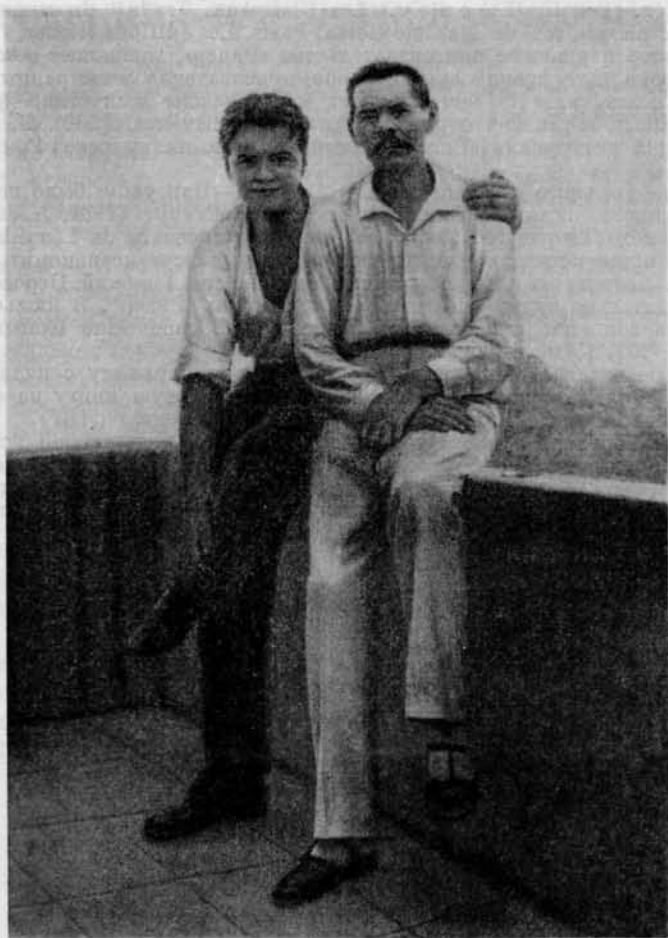
Признание Леоновым своего сродства с Достоевским я объясняю не только его, Леонова, персональной, но вообще свойственной молодежи торопливостью, с которой она выискивает «точку опоры». Торопливость эта имеет глубокие корни в прошлом, ибо капиталистический строй в России ставил так же, как везде в мире ставит, личность в состояние непрерывной, напряженной самообороны против всяческого насилия над нею со стороны классового общества.

Но в Союзе Советов уже десятки миллионов личностей сознают свое право на свободу и активно реализуют это право. Мир вступил в эпоху революций, которые всюду и неизбежно будут принимать характер социальных и, как реки в океан, сольются в единую всемирную. Для личности, искренно и серьезно озабоченной свободой саморазвития, очевидно, необходимо принять участие в борьбе за свободу массы — единственной силы, действительно способной обеспечить свободу роста личности и развития «частного хозяйства ее души» до размеров всемирного хозяйства, до тех размеров, когда человек почувствует себя не человеком науки, класса, церкви, а человеком человечества.

История показывает нам «душу» личности изнасилованной, раздробленной условиями бытования в классовом государстве и бесплодными

усилиями найти некую «объективную истину» в грозном хаосе этих условий. Истина — открыта, это — боевая истина, так сказать, ее очень просто формулировал Карл Маркс: все условия, которые затрудняют культурный рост человечества, должны быть уничтожены.

Возвращаясь к Леониду Леонову, я скажу, что его талант, глубоко радуя меня, позволяет мне уверенно ждать от молодого автора книг, которые могуче послужат делу возрождения человечества, делу объединения его в единую всемирную семью.

ГОРЬКИЙ и Л. М. ЛЕОНОВ

Фотография, Сорренто, 1927 г.

Литературный музей, Москва

¹ Предисловие Горького к французскому переводу романа Леонова «Барсуки» было написано, очевидно, летом 1931 г. 8 марта Леонов писал Горькому: «За сим пунктом следует второй; не отвергайте меня в сем пункте, дорогой Алексей Максимович! Издательство Ридер в городе Париже решило облагодетельствовать французскую нацию изданием собрания моих сочинений. Мне и издательству очень хотелось бы иметь предисловие ваше к первому тому („Барсуки“), который выходит в начале июня. Если найдете возможным прикрыть собою все мои недостатки, не откажите написать мне» (АГ). Через десять дней, 18 марта, Леонов спрашивал Горького: «Получили ли письмо мое о „Красной нови“ и просьбу о вашем предисловии для моего французского издания?» (АГ).

Отвечая Леонову на его письмо от 8 марта 1931 г., Горький писал ему: «Предисловие с удовольствием напишу» (т. 30, с. 209).

О желательности перевода «Барсуков» на иностранные языки Горький писал Леонову сразу после выхода романа в свет: «Жалею об одном: написана повесть недостаточно просто. Ее трудно будет перевести на иностранные языки. Стилъ сказа крайне плохо удастся даже искусным переводчикам. А современная русская литература должна бы особенно рассчитывать на внимание и понимание Европы, той ее части, которая искренно хочет „познать Россию“. Честные люди Европы начинают чувствовать, что мы живем в трагический канун Возрождения нашего и что у нас следует многому учиться» (т. 29, с. 442).

Книга Леонова «Барсуки» в переводе Мориса Парижаннина вышла во Франции в ноябре 1931 г. (Léonide Léonov. Les Blaireaux. Traduit du russe par Maurice Parijanine avec un préface de Maxime Gorki. Paris, Les éditions Rieder, MCMXXXI).

Прогрессивное парижское книгоиздательство «Ридер», возникшее в конце 1922 г., выпускало, кроме книг французских авторов, произведения иностранных писателей, в том числе советских. Из книг Леонова оно дважды выпустило роман «Барсуки» (1931 и 1932), а также его роман «Соть» («La Rivière», 1936). В издательстве «Ридер» выходил и журнал («Eugore»), созданный по инициативе Романа Роллана в 1923 г.

Предисловие Горького к французскому изданию «Барсуков» было первоначально с некоторыми сокращениями напечатано в журнале «Eugore» (1931, № 106, 15 октября) под названием «Творчество Леонида Леонова» («L'oeuvre de Léonide Léonov») и со следующим примечанием: «Французские читатели смогут познакомиться с творчеством Леонида Леонова, о котором рассказывает Максим Горький. Переводы романов Леонова действительно будут выпущены издательством „Ридер“. В июльском номере 1931 г. опубликован один из рассказов Леонова — „Возвращение Копылова“» («Eugore», 1931, № 103, 15 июля, перев. В. Познера).

Французское издание «Барсуков» Леонов подарил Горькому с надписью: «Максиму Горькому с благодарностью и нежностью свою первую книгу на французском языке почтительно посылает автор. 24 декабря 1931, Москва» (ЛБГ).

Предисловие Горького к «Барсукам» печатается по машинописной копии из личного архива Горького. Автограф не сохранился. Опубликовано в газете «Литература и жизнь», 1961, № 72, от 18 июня в связи с сообщением о выходе наст. тома.

² Эта аякетa была опубликована в журнале «На литературном посту», 1927, № 5—6.